Плетнев Михаил 6-13.03.97.

Вечерний клуб – 1997 (№ 9) 6-13 марта, с. 4

Наталья **Зимянина**

Моя любимая тематики в газете "Вечерний клуб", конечно, музыка. Праздник 8 Марта не люблю с детства. Поскольку искренне поздравляют друг друга в основном женщины, а мужчины если и поздравляют, то не те. К тому же не люблю цветы (недавно у меня дома засох даже кактус), а хорошие книги, тем более — ноты, на 8 Марта дарить почему-то не принято. Голубая мечта — обежать в Москве все премьеры, выставки и концерты — увы, абсолютно несбыточна.

Концерты

Кто возвращает свежесть первоудивления

Так и просится старомодно-гимназическое слово "похвально" для оценки просветительской деятельности Российского Национального оркестра Михаила Плетнева. Стараниями этого коллектива и его администрации в Москве только в последнее время выступили скрипач Гил Шехэм, дирижер Гилберт Каплан, певица Мариана Николеско.

Благодаря РНО впервые в Россию приехал и Кент Нагано — музыкальный директор Лионской Оперы, директор Халле-оркестра и дирижер Лондонского симфонического оркестра. Совсем молодой американец японского происхождения, человек остро современный, Нагано с его красотой, обаянием и талантом словно олицетворил собой вершину окультуренной энергетики на излете XX века.

В концерте в Зале им. Чайковского 26 февраля оркестр под его управлением играл так, словно Нагано репетировал с ним не жалкие два дня, а с любовью работает всю жизнь. Аппетитно составленная программа прозвучала прямо-таки гиперактивно.

Начался концерт первым в России исполнением сочинения Джона Адамса (род. 1947) "Slonimsky's earbox". Оно посвящено недавно умершему Николасу (Николаю) Слонимскому — великому музыковеду и лексикографу, когда-то петербуржцу, а большую часть жизни — американцу. На пресс-конференции журналисты пытались выяснить, что означает сие странное название (дословно: ушная коробка Слонимского). Оказалось — непереводимо: просто автору показалось забавным странное словосочетание (ear box) рядом с уважаемым всем музыкальным миром именем.

Как бы там ни было, в оригинальном сочинении услышались аллюзии и на "Петрушку" Стравинского, и на раннего Прокофьева, и на Бартока... Длинные ("башметовские") волосы артистичного и увлеченного маэстро так и разлетались по сторонам двумя голландскими лодочками, а сидящий перед ним оркестр был безукоризнен в своей послушности и одновременно вдохновении.

Последовавшая музыка балета Белы Бартока "Чудесный мандарин" (1919) прозвучала будто бы продолжением Адамса. Точно мыслящий Нагано, оказалось, обожает бешеные ритмы XX века, предельно нервную музыку, где все время происходит что-то необыкновенное.

Столь же естественно продолжили концерт и две сюиты из балета Мориса Равеля "Дафнис и Хлоя" (1912), хоть и были там безмятежные флейты и арфа. Каким образом Кенту Нагано удалось соединить все-таки совсем разных авторов единым нервом — тайна, для большинства дирижеров, очевидно, непостижимая. Получился не набор, а пласт. Нагано для Москвы — сюрприз редкий (имя для нас совсем новое), за который РНО надо поблагодарить отдельно.

Не прошло и недели — в воскресенье, 2 марта, в Большом зале консерватории РНО играл уже с дирижером греческим, Каролосом Триколидисом. И не что-нибудь — до мажорную ("Большую") симфонию Франца Шуберта (1825). Оркестр звучал, надо сказать, совсем иначе. Триколидис дирижировал наизусть, жесты его были предельно отточены — однако, увы, романтический оригинал предстал перед нами в несколько засушенном, препарированном виде. Симфония прошла без взлетов и падений. И, во-первых, заставила вспомнить, что при жизни композитора оркестры отказывались играть ее как "слишком длинную и трудную". А во-вторых, подтвердила красивую мысль о том, что фортуна не любит, когда очень стараешься.

Относительную скуку первого отделения компенсировал блеск второго, когда на сцену вышел хозяин оркестра Михаил Плетнев в качестве солиста в ми минорном Концерте Шопена. Вот тут-то начался и праздник, и романтика, и волшебство. С одной стороны, идеально соблюдались все золотые правила шопенистов: так, свободно, но ритмично "дышала" левая рука, на фоне которой непринужденно и даже с романтическим придыханием "импровизировала" правая. Лично я, навек обиженная фразой Ярослава Ивашкевича о том, что темы шопеновских концертов напоминают незатейливые мелодии, которые "насвистывают варшавские юноши, моясь в ванной", в очередной раз поняла, что истинные и мнимые первоисточники (ахматовский "сор") никакого отношения к конечному шедевру не имеют.

В солисте, как всегда, не было никакой внешней рисовки, при этом он заставил вспомнить давно забытое (и ох, какое обманчивое!) юношеское предчувствие чистого счастья на всю оставшуюся жизнь. (Шопен писал концерт двадцатилетним и, прожив свои 39 многотрудных лет — почитайте его письма! — в страданиях умер от чахотки).

Уж не знаю, действительно ли он был наркоманом (как в последнее время любят судачить некоторые язычки, будто Шопен жив и требует строгого осуждения!). Но в исполнении Плетнева музыка звучала действительно наркотически-прекрасно, тем более что качественным Шопеном мир в последние годы вовсе не избалован.

Так дважды за одну неделю РНО вернул нам, выражаясь словами философа Георгия Гачева, свежесть первоудивления. Это нам-то, с нашими уставшими ушами, изношенными нервами и во многом стершимися от нелегкой жизни эмоциями. Событие, на мой взгляд, принципиальное.

Впереди же — главное не останавливаться! — еще один концерт РНО в Большом зале 9 марта. На этот раз под управлением молодого немца Франка Штробеля (род. 1966) будут исполнены "Фуриозо для оркестра" Рольфа Либермана, Вторая симфония Шуберта и Пятая Малера. А 24 марта здесь же Российским Национальным продирижирует Паво Ярви (США).

На снимке: Каролос Триколидис и Михаил Плетнев.

ФОТО ЕВГЕНИЯ БУРМИСТРОВА.